

«Пересборка» масленичной обрядности у русского населения Алтайского края в 1950–1980-х гг. в свете коммуникации власти и сельского общества

Елена Александровна Коляскина

(Алтайский государственный педагогический университет:
Российская Федерация, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55)

Ирина Юрьевна Аксенова

(Новосибирский национальный исследовательский государственный университет:
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1;

Институт археологии и этнографии СО РАН:

Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17)

Аннотация. В статье на материалах Алтайского края рассматривается использование элементов масленичной обрядности в ходе конструирования праздника Проводы русской зимы в 1953–1985 гг. как практики «новой» советской праздничной культуры в советской деревне и коммуникативного акта. В связи с этим исследуется процесс организации и проведения Проводов зимы в селах региона, структура и семантика новых ритуальных практик, их связь с традиционной восточнославянской масленичной обрядностью. Актуальность темы определяется ее слабой изученностью и современными процессами переосмысления советского опыта конструирования общественных праздников, многие из которых являются частью нашей современной культуры. Публикация основана на анализе интервью, собранных авторами в ходе многолетней работы в селах Алтайского края, преимущественно среди восточнославянского населения, фотографий, документальных источников и публикаций в региональной печати. Делается вывод о дуальном характере нового праздника, который концентрировал в себе многие практики и смыслы, характерные для Масленицы, такие как смена сезона, обновление, аграрное плодородие и т.д., оставив не озвученными матримоничность, фертильность и др. При этом Проводы зимы не перегружались прямыми идеологическими смыслами — партийности, трудовых достижений и т.д. Внедрение нового праздника породило процесс коммуникации «сверху» для его легитимизации, в свою очередь сельчане получили площадку для коммуникации «снизу» через участие в нем. Важным для дальнейших исследований является вывод о том, что мотивы конструирования новых праздников не ограничивались антирелигиозной кампанией, а существование Проводов зимы не привело к бесповоротной утрате масленичной обрядности.

Ключевые слова: Масленица, село, власть, коммуникация, Алтай.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01443, URL: <https://rscf.ru/project/23–28–01443/>

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020–0021).

Дата поступления статьи: 11 сентября 2023 г.

Дата публикации: 25 ноября 2023 г.

Для цитирования: Коляскина Е. А., Аксенова Е. Ю. «Пересборка» масленичной обрядности в 1950–1980-х гг. в свете коммуникации власти и сельского общества (на материалах Алтайского края) // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 4. С. 47–59.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.004>

В современном мире идет процесс переосмысления нематериального культурного наследия народов, активно «возрождаются» и используются «народные традиции» в организации общественных мероприятий, туристической индустрии, педагогике. Это делает актуальным изучение советского опыта конструирования общественных праздников с использованием элементов традиционных праздничных практик, рассмотрение их коммуникативного потенциала.

Идея «пересборки» традиционной обрядности появилась в первое десятилетие советской власти как одна из форм антирелигиозной пропаганды для «создания» нового советского человека. На основе традиционных обрядовых практик конструировали новые, лишённые религиозного содержания, наполненные советской гражданской идеологией. Во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. эта идея получает второе дыхание в связи с активизацией деятельности культпросветучреждений и государственным курсом на внедрение и пропаганду новых праздников. С этого времени в селах Алтайского края стали «возрождать» «традиционные» праздники, в том числе сконструированный на основе масленичной обрядности Проводы русской зимы.

В исследуемый период были опубликованы региональные издания, лишь описывавшие примеры внедрения новых советских праздников в крае, которые можно расценивать только как материал для исследования. Из советских этнографов праздник Проводы русской зимы в русских селах Алтайского края описала В. А. Липинская, отметив его преемственность масленичной обрядности и гражданский характер [Липинская 1989, 125–128]. Из современных исследователей, касавшихся изучения Проводов зимы в регионе, отметим статьи Л. А. Явновой, затрагивающие аспект использования элементов традиционной обрядности в конструировании общественных мероприятий [Явнова 2016, 2021], и публикацию А. В. Богочановой, коснувшейся

проблемы вытеснения традиционных праздников новыми гражданскими праздниками в свете антирелигиозной кампании периода оттепели [Богочанова 2020]. Таким образом, в работах этнографов затронуты отдельные аспекты конструирования праздника Проводы зимы на основе масленичной обрядности.

В данной статье на материалах Алтайского края рассматривается использование элементов масленичной обрядности в ходе конструирования праздника Проводы русской зимы как практики новой советской праздничной культуры в советской деревне и коммуникативного акта, т.е. коммуникации власти и общества по поводу и посредством праздника. В связи с чем исследуется процесс организации и проведения Проводов зимы в селах Алтайского края в 1953–1985 гг., структура и семантика новых ритуальных практик, их связь с традиционной восточнославянской масленичной обрядностью.

Публикация основана на анализе интервью, собранных авторами в ходе многолетней работы в селах Алтайского края преимущественно среди русского населения, фотографий, документальных источников и публикаций в региональной печати.

В. А. Липинская относит «возрождение» традиционных празднеств и развитие новой обрядности в селах Алтайского края к 1950–1960-м гг. [Липинская 1989, 112]. Известно, что Проводы зимы в 1955 г. праздновались в п. Садовый Третьяковского района (ил. 1), а в 1958 г. — в с. Воздвиженка Кулундинского района [Бондаренко 2014, 20]. В обоих случаях место проведения — сёла, основанные в первой трети XX в. переселенцами с Украины. В краевой столице праздник впервые отмечался позже, чем в селах, в 1959 г. [Проводы русской зимы 1959]. Активизация культурной жизни в селах в этот период могла быть связана с освоением целины [Бондаренко 2014, 20]. Возобновление календарных праздников среди населения страны в 1950–1960-е гг. советские этнографы связывали с интересом к народной

Ил. 1. Подготовка к празднику Проводы зимы, 1955 г., п. Садовый, Третьяковский р-н, Алтайский край. ГК 38082665

Fig. 1. Preparation for the Seeing off Winter celebration, 1955. Sadovyi Village, Tret'yakovskii District, Altai Krai. GK 38082665

традиции и работой по внедрению новой обрядности [Будина 1989, 224]. Таким образом, к моменту выхода постановления Совета Министров РСФСР 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» в селах Алтайского края уже был опыт проведения праздника, который в документе назван приобретающим «силу традиции». Это вряд ли могло относиться к Алтаю, так как множество источников свидетельствуют о больших проблемах в сфере культпросвета, включая кадровый голод. Поэтому сложно говорить о массовом внедрении новых календарных праздников в селах края до второй половины 1960-х гг.

Проводы зимы — возрожденный традиционный русский праздник — концепт, транслировавшийся на официальном уровне — газетных и методических публикаций региона. Обороты речи «о возрождении традиций» служат идеологическим обоснованием в случае изобретения новых традиций институтами власти. Целью такой практики «является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [Хобсбаум 2000, 48]. Русский характер праздника презентовался через вербальные формулы, использовавшиеся в официальном дискурсе, — публикации в газетах, тексты сценариев и т.п.: «Проводы русской зимы», «герои русских народных сказок», «русские блины», «русские качели» и т.д. Акционально русскость подчеркивалась ношением женщинами-участницами шалей с цветочным принтом и кистями

и стилизованных сарафанов. Предметно русская идентичность праздника выражалась в «традиционных» блинах, баранках и самоваре. В исследуемый период русские составляли приблизительно 87–90% населения Алтайского края (посчитано автором) [Всесоюзная перепись 1959; 1979]. Вслед за ними по численности шли немцы и украинцы, которые в некоторых селах региона составляли значительную долю. В целом русские Алтая имели довольно пестрый этнокультурный состав, разделяясь на две неоднородные группы старожилов и «российских» переселенцев и их потомков, отличавшихся в этноконфессиональном и этнографическом плане. Села края с преимущественно русским населением представляли собой плавильный котел для локальных вариантов восточнославянской традиционной культуры, многие из которых во второй половине XX в. еще сохранялись на семейном уровне. Поэтому говорить о единстве традиций праздничной культуры сельчан Алтая невозможно.

Необходимость наполнения традиционных праздников «новым содержанием» указывалась в научных публикациях и методических пособиях исследуемого периода. В.А. Руднев писал об антирелигиозном содержании праздников Масленицы и Ивана Купалы, их связи с хозяйственной жизнью народа, поэтому их языческие образы стоило возрождать в новой гражданской обрядности, не боясь порождения суеверий. Исследователь в издании 1979 г. констатирует, что Проводы зимы восприняли многое от Масленицы [Руднев 1979, 185–186, 132]. Местные авторы этого времени не так смелы, называя Проводы русской зимы одним из древнейших русских праздников, возникших из ритуальных зимних игр и гуляний [Кривоносов 1979, 61–64]. В публикациях конца 1980-х гг. этнографы прямо указывают на преемственность Проводами зимы элементов Масленицы [Будина 1989, 212–213; Липинская 1989, 125].

Вопрос о попытке заместить Прощеное воскресенье празднованием Проводов зимы невозможно решить однозначно. На Алтае чаще всего праздник проводили во второй декаде марта, этот месяц ему отводился и в методической литературе [Кривоносов 1979, 61], т.е. он считался весенним праздником. Он всегда

устраивался в воскресенье, периодически совпадая с Прощеным воскресеньем. Информанты, причастные к организации праздника в 1970–1980-е гг., утверждают, что празднование Проводов зимы не «подгоняли» под окончание Масленицы, ориентировались на погодные условия: *«Не подтягивали под Масленицу. Если погода стоит — значит попозже, если весна — делали пораньше, чтоб снег был еще»* (Зап. от Екатерины Ивановны Мишиной, 1927 г.р., с. Кособоково, Шипуновский р-н, Алтайский край. Соб. И.Ю. Аксенова. 2016 г.) [ПМА]. В некоторых случаях Проводы зимы могли приходиться на Великий пост, что толкало сельчан на нарушение норм православной традиции поста. Умышленная ли это была ситуация, выяснить сложно. Наложение Проводов зимы на дату Прощеного воскресенья могло способствовать его вхождению в народный календарь и постепенному вытеснению традиционного праздника. В начале 1970-х гг. он уже считался на официальном уровне популярным праздником [Кривоносов 1974, 12].

На значение праздника как оформлявшего смену сезонов указывалось также в его названии — Проводы зимы, реже к межсезонью — *«Проводы русской зимы — Здравствуй, Весна-красна!»* [ААШР. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69]. Производились действия, которые можно рассматривать как ритуальные, символизировавшие переход, умирание зимы и рождение весны, что обозначалось катанием на лошадях, которое трактуется в значении взаимодействия с иным миром [Черных 2008, 10]: *«Весна приезжала на этой же тройке, на саниах, круг почета по площади дала, там, где праздник проводится, и эта же тройка увозила Зиму, зима там со слезами как будто бы, с грустью покидала, ручками махала, ей тоже ручками махали»* (Зап. от Нины Алексеевны Конради, 1947 г.р., с. Шипуново, Шипуновский р-н, Алтайский край. Соб. И.Ю. Аксенова. 2023 г.) [ПМА]. В с. Куяган Алтайского района увозили Деда Мороза на «худой» лошаденке и следом сжигали его чучело (1960) [НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 2369]; худое, болезненное и т.п. — маркеры «умирания». Тогда как Весна противопоставлялась как красивая, цветущая — в цветочном венке и т.п. Смена хозяйственного сезона могла

оформляться также акционально и предметно: *«В Змеиногорском, Павловском, Тальменском и ряде других районов Зима передает эстафету хороших дел Весне пятилетки»* [Фатеева 1974, 21].

Смысл конца зимы и начала весны вытеснил традиционное обозначение Масленицей темпоральных границ — конец брачного сезона и начало Великого поста. Старшее поколение, продолжавшее соблюдать посты, вспоминало прежде всего об изменении характера пищи, о границе между мясоедом и постом: *«Масленка называется — это пестрая, сборная неделя, всё ешь... Пост. От Масленки осталась стряпня кака молочная — это уже сушат на сухари и прибирают их, покамест пост не пройдет»* (Зап. от Татьяны Ивановны Волковой, 1916 г.р., с. Урунск, Солтонский р-н, Алтайский край. Соб. Е.А. Коляскина. 2005 г.) [ПМК].

Смена сезонов, дополненная аграрным мотивом символики плодородия, присутствовала в ритуальном акте Проводов зимы, описанном А.В. Сафьяновой: в колхозе «Россия» Змеиногорского района Проводы русской зимы закончились встречей девушек, одетых в соответствующие костюмы зимы и весны, и пожеланием зимы весне хорошо провести посевную [Сафьянова 1973, 142]. В с. Бурла Весна вручала агроному ключи от урожая [Липинская 1989, 126]. Н. Фатеева описывает еще один вариант данного мотива: *«Зима рапортует Весне о свершенных делах, называет победителей соревнования на ремонте техники, передает красиво оформленный рапорт и мешочек с урожайными семенами»* [Фатеева 1974, 21]. В одном из сел Змеиногорского района была сделана фотография — *«Весна передает агроному колхоза семена»* (ил. 2). Эта ритуальная практика могла отражать специализацию хозяйств по выращиванию зерновых культур.

Другая фотография отражает аграрный мотив праздника с приметой времени: женщина в костюме урожая (на ее голове корона с различными плодами) держит стебли кукурузы выше человеческого роста (ил. 3) (Благовещенский р-н).

Монополия на идеологию, следовательно, и на изобретение отражавших ее праздников принадлежала Советскому государству, оно вступало актором. На уровне сельского общества Проводы

Ил. 2. Весна передает агроному колхоза семена, 1975 г., Змеиногорский р-н, автор Н. Бондарев. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3092

Fig. 2. Spring provides seeds to the kolkhoz agronomist, 1975. Zmeinogorskii District. Photo by N. Bondarev. GAAK. F. 1. Op. 1. D. 3092

зимы ежегодно санкционировались местными органами власти. Акторами внедрения новых праздников были местные общественные и производственные организации, учреждения культуры, руководители совхозов и колхозов. В создании сценариев праздников принимали участие «местные активисты», партийные и советские органы, журналисты и ученые [Липинская 1989, 112]. По официальным данным, после постановления 1964 г. при каждом исполкоме Совета народных депутатов создавалась комиссия по организации и проведению праздников, в нее включались депутаты, представители различных учреждений и общественных организаций села. Ее тематические секции должны были разрабатывать и обсуждать сценарии [Кривососов 1979, 8–9]. На практике сценарии

Ил. 3. Проводы зимы и встреча весны, 1965 г. ГК 14005976

Fig. 3. Seeing off Winter and Spring Greeting holiday, 1965. GK 14005976

и концертные номера разрабатывали работники культуры, а представитель местного партийного органа, отвечавший за идеологию, их утверждал [ПМК]. Преимущественно праздник проводили работники Дома культуры в районных центрах или в крупных колхозах и совхозах, способных содержать клуб или Дом культуры со штатными единицами работников. Поэтому жители окрестных сёл нередко приезжали на праздник в районный центр или центральную усадьбу хозяйства [Там же, 61–64]. В региональных публикациях, если праздник происходил в райцентре, писали о селе, в остальных случаях — о хозяйстве, подчеркивая актора — «Проводы русской зимы в колхозе им. Гринько» [Там же, 58]. Проведение праздника становилось демонстрацией престижа.

Этнографический материал начала 1960-х гг. показывает существовавший «запрос» молодежи на активную культурную жизнь в селе, «как в городе», на профессиональную организацию самостоятельности, новых общественных мероприятий, театральных постановок и т.п. [НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 2369, 4448]. Этот запрос сохраняется и в последующие десятилетия на фоне повышения уровня образования сельских жителей, их мобильности, притока «городских» специалистов. Поэтому мотивы конструирования новых праздников не ограничивались антирелигиозной кампанией.

Наиболее активными субъектами были комсомольцы, они инициировали проведение первых праздников как направление комсомольской работы: «Сейчас стала налаживаться у нас и комсомольская работа. По инициативе комсомольцев была проведена комсомольская свадьба и праздник русской зимы. Праздник русской зимы первый раз проводили» [НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4451. Л. 64]. По материалам экспедиции 1965 г. ИЭ АН СССР именно «комсомольцы проявляют инициативу и изобретательность в организации новых праздников и обрядов: Проводов русской зимы...» [Сафьянова 1973, 142]. Среди комсомольцев появлялись выпускники культпросветучилищ, которые включались в организацию новых советских праздников. Молодежь получала возможность использовать свою этнокультурную память

о практиках празднования Масленицы, фрагментарно сохранившихся в семье и транслировавшихся в рассказах старших родственников: *«Это всё бабушка, мама, то есть праздник был семейным. Масленица. А уже в 1970–80-е гг. я начала активно работать в клубе, я сразу после окончания культпросветучилища работала в с. Первомайском, мы проводили уже Проводы зимы. И программы были, и сами составляли»* (Зап. от Нины Алексеевны Конради, 1947 г.р., см. выше). Одним из каналов распространения сценариев новых праздников были московские и краевые методические издания, с которыми знакомили на районных семинарах работников культуры [ГААК. Ф. Р-1041. Оп 1. Д. 412]. Местные издания не предлагали разнообразных сценариев.

Передовые отделы и дома культуры оформляли тематические альбомы, так был обнаружен альбом «Проводы русской зимы март 1965 года» [ШРМ ОФ-1108] с 15 фотографиями, отразившими основные моменты праздника в с. Шипуново. Он мог использоваться в качестве методического пособия. 4 фотографии с подписями были продублированы в альбом к 50-летию октября «Шипуновский район сегодня» [ШРМ ОФ-474]. Этот и еще один альбом — «Отчет о работе РДК за 1976 г. с. Сорокино» [ЗМКМ, 7430] — можно рассценивать как репрезентацию культурных достижений района и как создание опор памяти, вписывание данного события в контекст локальной истории.

Прослеживается определенная дуальность в организации праздника: с одной стороны, инициатива его создания шла сверху, сельчанам отводилась роль гостей, это подчеркнуто актом приглашения. Накануне для оповещения сельчан о празднике использовали афиши и листовки, а рано утром в день мероприятия «по улицам райцентра проехал автобус Дома культуры, динамик которого далеко разносил призывные слова: Спешите все...» [Кривоносов 1979, 62]. Могли размещать объявления в районной газете, на радио. Часто место проведения оформлялось транспортом или афишей с надписью: *«Добро пожаловать!»*. С другой стороны — организаторы старались вовлекать сельчан: *«Всё сами делали! Сказали — сами делали, делали себе костюмы, наряжались,*

украшали лошадей, разыгрывали сценки, пр.» (Зап. от Любови Алексеевны Сочиловой, 1948 г.р., с. Самсоново, Шипуновский р-н, Алтайский край. Соб. И. Ю. Аскенова. 2023 г.) [ПМА]. Концерт художественной самодеятельности был стабильным элементом Проводов зимы. Он дополнялся конкурсами частушек, песни, художественного слова и т.п. Таким образом появлялась возможность и площадка для проявления творческой инициативы и голоса «снизу», привлекался «народный театр». Советский праздник как явление культурной практики служит примером пересечения многочисленных линий коммуникации между обладавшими всей полнотой власти и обделенными ею [Рольф 2009, 10]. В некоторых селах между жителями распределяли продукты для приготовления общих блюд: *«Приносили в нашу семью, давали мясо, что-то еще, и мы настревывали пельмени. Потом эти пельмени на улице варились. Там веселье и гулянья!»* (Зап. от Людмилы Михайловны Шишениной, 1953 г.р., с. Мамонтово, Мамонтовский р-н, Алтайский край. Соб. И. Ю. Аскенова. 2013 г.) [ПМА].

Структура и элементы праздника определялись заранее составленным его планом или сценарием. Проводы зимы имели два варианта начала праздника — 10 или 12 часов. Подолжительность его могла быть 5 и более часов.

В общественных праздниках советского периода выделяют торжественно-официальный, массово-развлекательный и домашне-бытовой компоненты [Бромлей 1981, 10–11]. Для Проводов зимы в Алтайском крае торжественная часть носила редуцированный характер, что было свойственно новым календарным праздникам, по мнению О.Р. Будиной: «идейно-воспитательное начало» реализовывалось в ходе основной развлекательной части, в которой главным образом сосредоточены традиционные элементы праздника [Будина 1989, 226–227]. Поэтому не часто встречаются фотографии с выступлениями партийных руководителей во время праздника: в сценариях им отводилась в основном приветственная роль. Фотографии одного из праздников зафиксировали карнавальную поездку, схожую с демонстрацией: на фоне выстроившихся вдоль дороги в несколько рядов людей едут сани

Ил. 4. Проводы зимы, 24 марта 1974 г., с. Косиха. ГК 37002784

Fig. 4. Seeing off Winter holiday. March 24, 1974. Kosikha Village. GK 37002784

с ряжеными и лозунгами. Два из них можно расценивать как ироничные, отсылающие к маскарადу: «Сделаем сказку былью» [ГК 37002780], «И на Марсе будет хлеб расти!». Этот лозунг размещался на санях с макетом ракеты «Союз» и космонавтом (ил. 4). В данном случае презентовалась не столько пафосная аналогия достижений Советского государства со сказочными и космическими успехами, сколько образ будущего, интерес общества к освоению космоса. Присутствовал и один лозунг, связанный с трудовыми обязательствами: «Первобригадники, дадим в 1974 году 21 300 ц. зерна» [ГК 37002778].

Проводы зимы не перегружались прямыми идеологическими смыслами — партийности, трудовых достижений и т.д. Не часто на фотографиях праздника встречается символика, связанная с государством, — самыми распространенными были красные флажки и флаги. На одном из снимков зафиксирован редкий случай изображения государственной символики, связывающей праздник с событиями возникновения государства, его юбилейной датой, — плакат, в центре которого изображен герб, а по периметру надпись: «СССР исполняется 50 лет со дня образования» (ил. 5). Так же было встречено использование изображения государственного герба в оформлении сцены. Видимо, праздник Проводы зимы не получил достаточный идеологический заряд советского образа жизни, если был пропущен, как и Новый год, в вышедшем в 1978 г. в Барнауле сборнике статей «Актуальные проблемы культуры Алтая»,

посвященном внедрению в жизнь решений XXV съезда партии.

В новой обрядности массово-развлекательный компонент считался самым разнообразным и подвижным, сочетавшим в себе как стихийный, так и целенаправленный поиск форм, чтобы сделать его интересным и современным [Будина 1989, 212–213]. К стабильным элементам этой части следует отнести театрализованное представление, катание с гор и на лошадях, концерт, конкурсы, выездную торговлю. Они должны были реализовывать еще один концепт, транслировавшийся местной печатью: Проводы русской зимы — веселый, разгульный праздник. Этому способствовала концентрация масленичных ритуальных практик в одном мероприятии, одном дне — таким образом, сжималась традиционная темпоральность. Так, катания по селу

Ил. 5. Проводы зимы, 1972 г., с. Большой Башчелак, Чарышский р-н. ГК 32798487

Fig. 5. Seeing off Winter holiday, 1972. Bol'shoi Bashchelak Village, Charyshsky District. GK 32798487

в «кошевах» традиционно проходило несколько дней — пятницу, субботу и воскресенье, на проводах же — несколько часов [ПМА]. Так же обстояло дело и с зажиганием костров, катанием с гор, поеданием блинов и т.п.

Сжимается и территория локализации Проводов зимы по сравнению с Масленицей. Традиционно собирались для ритуальных практик в разных частях села. Первоначально при организации Проводов зимы могли выбирать традиционные места. Так, молодежные гулянья устраивали на окраине села, где были естественные горки или замерзший водоем — озеро, пруд или река. Там же могли устанавливать снежный городок; катания на лошадях проходили в разных местах; масленичный поезд проходил по улицам села. К 1970-м гг. праздник закрепили за центральной площадью села, у клуба: *«На центральных усадьбах колхозов и совхозов проведены проводы русской Зимы»* (Благовещенский р-н) [ГААК. Ф Р-1062. Оп. 3. Д. 246]; *«Место для проведения праздника определить на площади у киотеатра “Колос”»* [ААПР. Ф-67. Оп. 1. Д. 35].

При внедрении опыта проведения новых праздников в регионах должны были учитывать местные особенности и традиции. В соответствии с постановлением 1964 г. А. В. Сафьянова отмечает, что «в порядке праздника русской зимы, кроме традиционного катания на лошадях и торговли блинами, в каждом колхозе или совхозе вносятся новые элементы» [Сафьянова 1973, 142]. В газетных публикациях к региональной идентичности отсылали «сибирские пельмени» и «старинные сибирские наряды» продавцов [Павлова 1965]. Для демонстрации «разнообразия элементов» праздника в краевом сборнике сценариев были опубликованы два варианта Проводов зимы, проводившихся в р.ц. Бурла (северо-западная, степная часть края) и Ельцовка (восточная, лесостепная часть края) [Кривоносов 1979, 61–62]. Как раз они не отразили специфики элементов, которая определялась этнокультурным разнообразием восточных славян региона, что показывают другие источники.

Катание на санях, в которые были запряжены тройки «наряженных» лошадей, олицетворяло сам праздник

Проводы зимы и его веселье. Лошадей для праздника предоставляли колхозы, сами сельчане их только наряжали: *«У нас была своя конюшня в селе, троек было много! Тройки запрягали, ездили, песни пели, гармошки играли. Там веселье и гулянья!»* (Зап. от Людмилы Михайловны Шишениной, 1953 г.р., см. выше); *«Обязательно были тройки... у нас была своя конюшня, колхозная, это в начале 1970-х гг. Запрягали тройки, сани красиво наряжали, ленточками, цветами, всем, что под руку попадалось»* (Зап. от Нины Алексеевны Конради, 1947 г.р., см. выше). В распоряжениях о проведении праздника распределялось количество троек и ответственные за их предоставление предприятия и учреждения. В этом также проявилось снижение субъектности сельского жителя как участника праздника. Украшения для лошадей оставались вполне традиционными. Масленичный транспорт (тройки, сани) начинает выполнять зрелищно-развлекательную функцию и приобретать в некоторых селах коммерческий характер.

В ряде крупных сёл воспроизводилась ранее существовавшая традиция устраивать лошадиные скачки — «бегова бегали». Например, в с. Верх-Катунское и Шибалино Бийского района, с. Кособоково Шипуновского района. Эта традиция могла поддерживаться специализацией хозяйства в советские годы на коневодстве [ПМК 2003; ПМА 2023].

Катание с гор — одна из самых распространенных региональных практик, унаследованная Проводами зимы от Масленицы. Если в селе не было естественных гор, делали деревянную.

Блины — главный атрибут Проводов зимы, отсылающий к Масленице. Их продажа на сельском празднике считалась обязательной: *«Организовать торговлю промышленными и продовольственными товарами, в широком ассортименте. Предложить горячие блюда: блины, пельмени, пирожки, шашлык, булочки, торты и другие изделия»* [ААПР. Ф-67. Оп. 1. Д. 35]. Организация выездной торговли — референс в сторону сельских ярмарок. В условиях дефицита товаров легкой промышленности и неразвитости общепита это был залог большого количества сельчан и создания праздничной атмосферы.

Мотив молодежных гуляний также перешел Проводам зимы. Молодые пары присутствует и на фотографиях — гармонист с девушкой в окружении молодежи [ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3957], катание на санях с горы двух молодых пар [Кривонов 1979, 58]. Сюда же можно отнести комсомольцев как организаторов праздника. Только этот мотив лишился ярко выраженной матримониальности, остались не востребованы ритуальные практики, связанные с брачностью и фертильностью, считающиеся характерными для Масленицы на Алтае [Золотова 2003, 12; Фурсова 2004, 27].

Проверка молодецкой удали также отнеслась к мотивам Проводов зимы. Самым распространенным вариантом стало испытание «Взять шест» или лазанье на столб за призами: *«Еще на столб привязывали и петухи, и гармошку, и сапоги — привязывали, чтоб залезть и дернуть за веревочку и получить!»* (Зап. от Людмилы Михайловны Шишениной, 1953 г.р., см. выше). Столб не являлся обязательным атрибутом масленичной обрядности в селах Алтая. Лазанье на столб, состязания в силе советские этнографы относили к забавам, заимствованным в крупных торговых селах и городах [Будина 1989, 228], т.е. к ярмарочным. Взятие снежного городка было достаточно редкой практикой, возможно, из-за трудоемкости сооружения. Его продолжали строить в тех селах, где были знакомы с этой традицией как с масленичной. Различные состязания на ловкость были обязательным атрибутом праздника. Вероятно, альтернативой кулачных боев стали спортивные состязания.

Карнавальная традиция получила развитие в достаточно стабильном составе персонажей. Из традиционных присутствовали ряженные скоморохами, нечистью, цыганами, в Бийском районе — старухой на лодке, мужиком с печью на телеге [Паньшина 2005, 234]. Из персонажей советской мифологии обязательными были Дед Мороз и Весна, из героев русских сказок и былин — Баба Яга, Емеля на печи, три богатыря, олицетворявшие русскую боевую славу [Нагирияк 1965, 167]. Самая ранняя фотография ряженных сделана в 1961 г. в с. Петропавловское [ГК 22902525]. В с. Шипуново в 1960-е гг. был еще такой персонаж, как

герой-воин — «Чапай с товарищами», однако этот образ не получил такого массового распространения в крае, как богатыри. Последние персонажи были национально маркированными [Будина 1989, 230], поддерживали образ «русскости» праздника.

В некоторых местах проводились полномасштабные театрализованные постановки по мотивам сказок, также воспроизводилась традиция масленичного поезда — в тех селах, где были с ней знакомы [Паньшина 2005, 234]. В большинстве случаев она трансформировалась в карнавальный проезд участников театрализации по центру села: *«Проводы русской зимы — выезжали три богатыря, наряженные, верхом на конях! О, Чапай будет, Чапай с Петькой! Как всадники выезжали на площадь, проезжали по площади, люди все смотрели, аплодировали, улыбались, радовались»* (Зап. от Нины Алексеевны Конради, 1947 г.р., см. выше).

Проводы зимы переняли семантику очистительной силы огня, уничтожения зла. Изменилась локализация ритуального действия: костер переместился на центральную площадь села. Сжигали в основном чучело в виде безликой антропоморфной фигуры, олицетворявшей уходящий сезон, но мог быть и конкретный персонаж — Дед Мороз, Зима или Баба Яга. Видимо, последняя воплощала зло. Также чучело могло персонифицировать проблемы общества и социальные бедствия — пьянство, туенядство, хулиганство, воровство, войну [Патриот Алтая 1982]. Поскольку сценарий мероприятия создавался работниками культуры, проживавшими в селе, можно говорить о голосе «снизу», символическом озвучивании и уничтожении проблем: *«Чучело пьянство, хулиганство, туенядство. У нас вот в Майске была конкретная фигура, она собирательная была, но все знали, кто это — Ваня Комаров: он сочетал в себе и пьянство, и хулиганство, и туенядство, и воровство. Все говорили — это Ванька!»* (Зап. от Нины Алексеевны Конради, 1947 г.р., см. выше). В процессе коммуникации между властной сферой и обществом возникали гибридные праздничные культуры, в которых причудливо сочетались официальные установки и традиционные элементы [Рольф 2009, 10].

Домашне-бытовая часть праздника, самая консервативная, обладавшая этнической спецификой [Будина 1989, 212–213], в структуре Проводов зимы четко не прослеживается. Если праздник по дате совпадал с Прощеным воскресеньем, то дополнялся практиками празднования Масленицы, сохранявшимися в семье. Ритуальное значение здесь имели повседневные практики, связанные с питанием и досугом, особенно молодежи. Если не совпадал, то ограничивался общественными гуляньями: «Праздник как Масленица широко не отмечался вообще. Что он был — мы знали, что дома мы его отмечали — да. Пекли блины, все сладости. Это всё бабушка, мама, то есть праздник был семейным. Масленица» (Зап. от Нины Алексеевны Конради, 1947 г.р., см. выше); «Делались в один день. И то и другое: пекут блины, наряжены, на лошадях. Масленица. Блины пекли. Пост потом не держали. При моей жизни всю жизнь. Проводили проводы Зимы. Мы празднуем в основном Проводы: как общественность скажет, так мы и делаем. И заодно как бы Масленицу празднуем» (Зап. от Надежды Николаевны Паниной, 1940 г.р., с. Усть-Пристань, Усть-Пристанский р-н, Алтайский край. Соб. И. Ю. Аксенова. 2016 г.) [ПМА].

Источники и материалы

ААПР — Архив администрации Поспелихинского района.

ААШР — Архив администрации Шипуновского района.

АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей.

Всесоюзная перепись 1959 — Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=1 (дата обращения: 2.09.2023).

Всесоюзная 1979 — Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=60 (дата обращения: 2.09.2023).

ГААК — Государственный архив Алтайского края.

ГК — Государственный каталог РФ.

ЗМКМ — Заринский межпоселенческий краеведческий музей.

Кривоносов 1974 — Кривоносов Я. Е. О характере новых советских праздников // Приглашаем на праздник / Сост. Я. Е. Кривоносов, Н. И. Фатеева. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. С. 8–14.

В заключение отметим дуальный характер нового праздника, который концентрировал в себе многие практики и смыслы, характерные для Масленицы, такие как смена сезона, обновление, аграрное плодородие и т.д., в то же время оставлял неизученными ряд традиционных тем — матримонильность, фертильность и др. При этом Проводы зимы получили нужное идеологическое содержание, не перегружаясь прямыми смыслами — партийности, трудовых достижений и т.д. Двойственное положение проявлялось и в своеобразии его бытования. С одной стороны, он внедрялся «сверху» по инициативе власти и транслировал сельскому социуму нужные власти идеологические смыслы. С другой — сельчане получили площадку для выражения голоса «снизу» через самодетельность и ритуализованные действия. Конструирование альтернативного праздника было мягким вариантом коммуникации власти с сельским обществом, когда вместо «голового» запрета предлагалась альтернатива. Мотивация конструирования новых праздников не сводилась к антирелигиозной кампании, а существование Проводов зимы не привело к бесповоротной утрате масленичной обрядности: она приобрела новые значения, модернизировалась.

Кривоносов 1979 — Кривоносов Я. Е., Фатеева Н. И. Дни торжеств. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1979.

НА ИЭА РАН — Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Нагирняк 1965 — Нагирняк Е. В., Петрова В. Я., Раузен М. В. Новые обряды и праздники / Под ред. И. Г. Былинской. М.: Сов. Россия, 1965.

Павлова 1965 — Павлова Л. Праздник веселья // Степная новь. 1965. 14 марта.

Паньшина 2005 — Паньшина Н. Г. Календарная и праздничная обрядность в селах Бийского района // Бийский район: история и современность. Т. 1 / Под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2005. С. 213–255.

Патриот Алтая 1982 — Здравствуй, весна-красна! // Патриот Алтая. 1982. № 32 (4604).

ПМА — Полевые материалы И. Ю. Аксеновой.

ПМК — Полевые материалы Е. А. Коляскиной.

Проводы русской зимы 1959 — Проводы русской зимы // Алтайская правда. 1959. № 58 (11275). 10 марта.

Руднев 1979 — Руднев В. А. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л.: Лениздат, 1979.

Сафьянова 1973 — *Сафьянова А. В.* Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края: вторая половина XIX–XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

Фатеева 1974 — *Фатеева Н.* Торжественно, красиво, памятно // Приглашаем на праздник / Сост. Я. Е. Кривоносов, Н. И. Фатеева. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. С. 15–21.

ШРМ — Шипуновский районный музей.

Исследования

Богочанова 2020 — *Богочанова А. В.* Государственные преобразования в сфере праздничной обрядности в период хрущевской оттепели // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 10 / Под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 319–323.

Бондаренко 2014 — *Бондаренко С. И.* Исторические аспекты освоения целинных и залежных земель: значение, опыт, перспективы (к 60-летию целинной эпопеи) // Аграрная наука — сельскому хозяйству: IX Междунар. науч.-практ. конф. (5–6 февраля 2014). Кн. 1. Барнаул: РИО АГАУ, 2014. С. 18–22.

Бромлей 1981 — *Бромлей Ю. В.* Новая обрядность — важный компонент советского образа жизни // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР / Отв. ред. И. А. Крывелев, Д. М. Коган. М.: Наука, 1981. С. 5–28.

Будина 1989 — *Будина О. Р.* Город и народные традиции русских: По матер. Центр. р-на РСФСР / Отв. ред. М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1989.

Золотова 2003 — *Золотова Т. Н.* Масленичные обряды сибирских казаков // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 5. Барнаул: БГПУ, 2003. С. 101–104.

Липинская 1989 — *Липинская В. А.* Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения // Русские: семейный и общественный быт / Под ред. М. М. Громыко, Т. А. Листовой. М.: Наука, 1989. С. 111–141.

Рольф 2009 — *Рольф М.* Советские массовые праздники. М: РОССПЭН, 2009.

Фурсова 2004 — *Фурсова Е. Ф.* Календарная обрядность восточнославянских народов в Приобье, Барабе и Кулунде: межкультурные взаимодействия и трансформации первой трети XX века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 18–22.

Хобсбаум 2000 — *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 47–62.

Черных 2008 — *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Ч. II. Зима. Пермь: Пушка, 2008.

Явнова 2016 — *Явнова Л. А.* Реконструкция сибирского карнавала на примере Масленицы в театрализованном обрядовом празднике // Глобальные проблемы и развитие современного общества: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Е. А. Дегальцевой. Бийск: АлтГТУ, 2016. С. 85–88.

Явнова 2021 — *Явнова Л. А.* Презентация праздничного календаря в устных этнографических источниках и периодической печати во второй половине XX — начале XXI в. // Макарьевские чтения: Матер. XVI Междунар. науч. — практ. конф. / Под ред. В. Г. Бабина. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2021. С. 346–351.

© Е. А. Коляскина, И. Ю. Аксенова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Коляскина Е. А. <https://orcid.org/0000-0003-0951-2590>

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, ведущий специалист по УМР УНИЛ «Центр устной истории и этнографии» Алтайского государственного педагогического университета: Российская Федерация, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55; тел.: +7 (3852)-20-54-32; e-mail: istorik8881@mail.ru

Аксенова И. Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7831-7815>

Младший научный сотрудник Новосибирского национального исследовательского государственного университета: Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; тел.: +7 (383) 363-40-00; Института археологии и этнографии СО РАН: Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17; тел.: +7 (383) 330-05-37; e-mail: a_history@mail.ru

“Reconstruction” of Maslenitsa Rites Among the Russian Population of Altai Territory in the 1950s–1980s in Light of Communication Between the Authorities and Rural Society

Elena A. Kolyaskina

(Altai State Pedagogical University: 55, Molodezhnaya str., Barnaul, 656031 Russian Federation)

Irina Yu. Aksenova

(Novosibirsk State University: 2, Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: 17, Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Summary. *This article examines the use of elements of Shrovetide rituals in creating the “Russian Winter Farewell” holiday in 1953–1985 as a practice of the new Soviet holiday culture in the Soviet village. It considers this process as a communicative act involving the organization and conduct of these celebrations in the region’s villages; the structure and semantics of the new ritual practices; and their connection with traditional East Slavic Maslenitsa rites. There is a need to understand the Soviet practice of constructing public holidays, something which has been poorly studied, because many of them have become part of contemporary culture. The article is based on interviews the authors conducted during many years of work in villages of Altai Krai, mainly among the East Slavic population, as well as on photographs, publications in the regional press, and other documentary sources. The authors conclude that the new holidays have a dual nature, as they incorporate many practices and meanings characteristic of Maslenitsa, such as celebrating the change of seasons, renewal, agricultural fertility, etc., but leaving out things like matrimonial relations and fertility. At the same time, the Seeing Off Winter holiday was not overloaded with explicit ideological meaning such as loyalty to the Party or the achievements of labor. The introduction of a new holiday necessitated a process of communication “from above” to legitimize it; in turn, rural people received a platform for communication “from below” through their participation in it. It is important for further research to take into account that the motives for constructing new holidays were not limited to anti-religious goals, and the creation of the Seeing Off Winter holiday did not lead to the irrevocable loss of Maslenitsa rites.*

Key words: Maslenitsa, selo, governance, communication, Altai.

Acknowledgments. *The research was conducted within the framework of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the Field of Scholarly Activities (project No. FSUS-2020–0021).*

Received: September 11, 2023.

Date of publication: November 25, 2023.

For citation: Kolyaskina E. A., Aksenova I. Yu. “Reconstruction” of Maslenitsa Rites Among the Russian Population of Altai Territory in the 1950s–1980s in Light of Communication Between the Authorities and Rural Society. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 4. Pp. 47–59. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.004>

References

- Bogochanova A. V.** (2020) Gosudarstvennyye preobrazovaniya v sfere prazdnichnoi obryadnosti v period khrushchevskoi ottepeli [State Transformations in the Sphere of Celebration Ceremonies During the Khrushchev Thaw]. In: *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii* [Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Ed. by T. K. Shcheglova. Vol. 10. Pp. 319–323. In Russian.
- Bondarenko S. I.** (2014) Istoricheskie aspekty osvoeniya tselinnykh i zaleznykh zemel': znachenie, opyt, perspektivy (k 60-letiyu tselinnoi epopei) [Historical Aspects of the Development of Virgin and Fallow Lands: Significance, Experience, Prospects (On the Sixtieth Anniversary of the “Virgin [Soil] Epic”)]. In: *Agrarnaya nauka — sel'skomu khozyaistvu* [Agrarian Science — Agriculture]. Vol. 1. Barnaul: RIO AGAU. Pp. 18–22. In Russian.
- Bromlei Yu. V.** (1981) Novaya obryadnost' — vazhnyi komponent sovetskogo obraza zhizni [New Rituals — An Important Component of the Soviet Way of Life]. In: *Traditsionnye i novye obryady v bytu narodov SSSR* [Traditional and New Rites in the Life of the People of the USSR]. Ed. by I. A. Kryvelev, D. M. Kogan. Moscow: Nauka. Pp. 5–28. In Russian.
- Budina O. R.** (1989) Gorod i narodnye traditsii russkikh: Po mater. Tsentr. r-na RSFSR [Urban

and Folk Traditions of the Russians: Based on Materials from the Central District of the RSFSR]. Ed. by M. G. Rabinovich. Moscow: Nauka. In Russian.

Chernykh A. V. (2008) Russkii narodnyi kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obryady kontsa XIX — serediny XX v. [The Russian Folk Calendar in the Kama Region. Holidays and Rituals of the late Nineteenth — mid-Twentieth Century]. Vol. 2. Perm': Pushka. In Russian.

Fursova E. F. (2004) Kalendarnaya obryadnost' vostochnoslavjanskikh narodov v Priob'e, Barabe i Kulunde: mezhkul'turnye vzaimodeistviya i transformatsii pervoi treti XX veka [Calendar Rituals of the Eastern Slavic People in the Ob, Baraba and Kulund: Intercultural Interactions and Transformations of the First Third of the Twentieth Century]: Avtoref. dis. d-ra ist. nauk: 07.00.07 [Abstract Dis. PhD in History, 07.00.07]. Novosibirsk: IAET SO RAN. Pp. 18–22. In Russian.

Khobsbaum E. (2000) Izobretenie traditsii [The Invention of Tradition]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia]. 2000. No. 1 (8). Pp. 47–62. In Russian.

Lipinskaya V. A. (1989) Narodnye traditsii v sovremennykh kalendarnykh obryadakh i prazdnikakh russkogo naseleniya [Folk Traditions in Modern Calendar Rites and Holidays of the Russian Population]. In: Russkie: semeinyi i obshchestvennyi byt [Russians: Family and Social Life]. Ed. by M. M. Gromyko, T. A. Listova. Moscow: Nauka. Pp. 111–141. In Russian.

Rolf M. (2009) Sovetskie massovye prazdniki [Soviet Mass Holidays]. Moscow: ROSSPEN. In Russian.

Yavnova L. A. (2016) Rekonstruktsiya sibirskogo karnavala na primere Maslenitsy v teatralizovannom obryadovom prazdnike [Reconstruction of the Siberian Carnival on the Example of Maslenitsa in a Theatrical Ritual Festival]. In: Global'nye problemy i razvitie sovremennogo obshchestva: Mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Global Problems and the Development of Modern Society: Proc. of the Intern. Scientific-Practical Conf.]. Biisk: AltGTU. Pp. 85–88. In Russian.

Yavnova L. A. (2021) Prezentatsiya prazdnichnogo kalendarya v ustnykh etnograficheskikh istochnikakh i periodicheskoi pechati vo vtoroi polovine XX — nachale XXI vv. [Presentation of the Holiday Calendar in Oral Ethnographic Sources and Periodicals in the Second Half of the Twentieth — Early Twenty-First Centuries]. In: Makarevskie chteniya. Mater. XVI mezhdunar. nauch. prakt. konf. [Makaryevsky Readings. Proc. of the XVI Intern. Scientific-Practical Conf.]. Ed. by V. G. Babin. Gorno-Altaysk: RIO GAGU. Pp. 346–351. In Russian.

Zolotova T. N. (2003) Maslenichnye obryady sibirskikh kazakov [Shrovetide Rites of the Siberian Cossacks]. In: Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii [Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Vol. 5. Pp. 101–104. In Russian.

© E. A. Kolyaskina, I. Yu. Aksenova, 2023

ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Kolyaskina <https://orcid.org/0000-0003-0951-2590>

E-mail: istorik8881@mail.ru

Tel.: +7 (3852) 20-54-32

55, Molodezhnaya str., Barnaul, 656031 Russian Federation

PhD in History, Associate Professor, Altai State Pedagogical University

Irina Yu. Aksenova <https://orcid.org/0000-0001-7831-7815>

E-mail: a_history@mail.ru

Tel.: +7 (383) 330-05-37

2, Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Junior Researcher, Novosibirsk State University;

17, Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)